

ВСЕ СОБЫТИЯ ИЗМЕНЕНЫ.
ВСЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЛОЖНЫ.

ДЕЖАВЮ

An hourglass is centered in the image. The top bulb is partially filled with dark sand. The bottom bulb is filled with light sand and contains a silhouette of a city skyline, including several skyscrapers. The hourglass is set against a background of a cloudy sky over a body of water, with the entire scene reflected in the water below.

ЛОРА
КЕЙЛИ

Кто-то всегда лжет. Триллеры Л. Кейли

Лора Кейли

Дежавю

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кейли Л.

Дежавю / Л. Кейли — «Эксмо», 2024 — (Кто-то всегда лжет.
Триллеры Л. Кейли)

ISBN 978-5-04-200021-8

От автора парадоксальных триллеров «Колокол» и «Ловушка памяти». Роман понравится поклонникам Блейка Крауча, «1984» Джорджа Оруэлла, «Книги несчастных случаев» Чака Вендига. Вы точно знаете, что это было. Но все говорит об обратном. Репортер местной газеты Керри Мильтон узнает из теленовостей о гибели известного профессора. Вот только некролог на него он уже писал и на похоронах тоже был... двадцать лет назад. В поисках его надгробья журналист отправляется на кладбище, но вместо старой могилы находит новую на том же месте. Дочь профессора Анна Кларк получает странный звонок — ей сообщают, что ее отец погиб в авиакатастрофе. Однако она хорошо помнит, как он погиб двадцать лет назад. Анна возвращается в родной город, но вскоре у нее появляются преследователи, которые не хотят, чтобы кто-то докопался до истины... «Динамичный и фантастический триллер в духе “Черного зеркала”, который заставит задуматься о надежности нашей памяти. Предугадать дальнейший ход событий в этой истории будет непросто». — Гарри @ultraviolence_g

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200021-8

© Кейли Л., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Часть I	7
1 глава	7
2 глава	10
3 глава	13
4 глава	18
5 глава	22
6 глава	25
7 глава	31
8 глава	34
9 глава	38
10 глава	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лора Кейли

Дежавю

© Кейли Л., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть I

1 глава

Они говорили, что всё так и было. Но я-то помню, что Питер Кларк умер 5 ноября 2018 года. Я сам писал некролог, и газета вышла в день похорон. Я помню, как Хендерсон торопил меня.

– Через час отсылаем в печать, шевели своими извилинами, Керри, или выкинь свой чёртов диплом!

Я закончил журфак.

И устроился в местную газету. Временно, ради практики. Решил поработать здесь немного. С тех пор прошло двадцать лет, а я всё за тем же столом. Ту статью я писал впопыхах.

Я весь вымок, гуляя меж этих надгробий. Вообще, гулять по кладбищу не входило сегодня в мои планы. А гулять по кладбищу под дождём – тем более. Фонарь уже трещал издыхающими батарейками, дождевик промок насквозь, а я всё не мог найти это надгробие. Где ж ты, чёрт возьми?

Тогда, в 2018-м, Хендерсон сначала отправил меня на кладбище, а уже потом торопил, ожидая, пока я напишу хоть что-то сносное к этим безобразно сделанным фото. Тогда всё было безобразным, к чему бы я ни прикасался, так говорил Хендерсон, таким образом он «подбадривал» всех новичков. Я помню, стоял у надгробия, когда почти все разошлись, и фотографировал исподтишка, каждый раз съёживаясь в извиняющейся гримасе, когда фотоаппарат издавал громкий щелчок. Крайне неудобно было делать фото, когда кто-то кого-то хоронил. У могилы остались священник и одна молодая особа. Собственно, было негусто. Я кое-как сделал пару снимков и, извинившись, ушёл.

Потом написал что-то вроде:

«Как известно, покойный был непубличным человеком, но это не умаляло его достижений в медицине и того, какой огромный след он оставил в нашей памяти и сердцах».

Фу, и как только меня держали в этой газете с таким-то банальным слогом. Но дело даже не в этом, а в том, что некролог я точно написал, и надгробие точно сфотографировал, и фотографию эту точно удалил со своего компьютера, потому что «незачем всякими надгробиями засорять оперативную память», хотя, если бы не удалил, всё равно бы уже не нашёл. Этой карты памяти, как и компьютера, давно уже не было.

Тогда о смерти Питера Кларка передавали по новостям:

«Известный профессор был сбит насмерть на территории кампуса. За рулём спортивного автомобиля находился пьяный студент».

Питер Кларк скончался на месте, не приходя в сознание. Возбуждено уголовное дело».

Два дня назад по новостным каналам передали о крушении легкомоторного самолёта, таких над Ла-Маншем летает с десяток за день, но рухнул в тот день один. За штурвалом, как вещала ведущая новостей, был семидесятишестилетний профессор медицинских наук Питер Кларк, который пересекал воды Атлантики и не долетел до берегов Франции каких-то пару миль.

Почему на кладбище был я один? Потому что никто, кроме меня, этого некролога не помнил. Как и этой смерти двадцатилетней давности. Газета та вышла с какой-то провокационной статьёй, нарушающей частную жизнь кого-то, то ли актёра, то ли мужа какой-то актрисы, по-моему, их звали Крамеры и тогда они были очень знамениты, а фотографии очень откоро-

венны. В общем, этот парень грозился судом и миллионным штрафом, поэтому газету сразу изъяли с прилавков. Я даже был на суде, защищая старика Хендерсона, говоря, что он ни при чём. Хотя это было не так. В общем, всех собак тогда спустили на Стива – журналиста, написавшего эту статью. Его же потом и уволили. Не знаю, прочитал ли тогда кто-то ещё о смерти мистера Кларка, но то, что сейчас, кроме меня, о ней никто и не вспомнил, было уже очевидно.

– Ты что, не помнишь, как я её писал? – стоял я сегодня в кабинете старика Хендерсона, надеясь не помереть от сигарного дыма, которым он нас травил.

– Некролог, написанный двадцать лет назад, – затянулся он ещё раз, – дай-ка подумать. Конечно же, помню! – хлопнул он себя по лбу. – Я же помню всякую хрень! Иди работай, Керри, и не морочь мне голову!

И я пошёл... выискивать могильную плиту среди таких же однотипных плит. Мне казалось, я уже по третьему кругу обходил это кладбище, я даже увидел парочку призраков, или это были могильные статуи в свете моего фонаря... Зачем мне нужно было искать эту могилу, я не знал, но то, что было нужно, это точно.

Мой фонарь окончательно сдох. Я открыл отсек батареек и покрутил их. Блеклый луч загорелся опять, но тут же стал угасать и исчез на плите с именем какой-то пожилой дамы.

Отлично... Я посмотрел на промокшие ноги – вода в ботинках гуляла меж пальцев грязной холодной жижей. Я потряс ими, одним, вторым, но так и остался вымокшим и продрогшим насквозь. Проклятая осень с её дождями. Оглядев нехитрый пейзаж ещё раз, я увидел ворота, обрамлявшие выход из парка, там, за ними, объездная дорога, у которой я и оставил свою машину. Может, и не было той смерти? Пошёл я на выход. Мало ли что я помнил. Память вообще странная штука, как кривой пазл из обрывков прошлого, настоящего и мечтаний о будущем. Всё это сумбурное и вечно жужжащее собирается в один большой рой и строит в мозгу свои соты из пятиугольных воспоминаний. Никаких доказательств может и не быть, их вообще тебе не нужно, когда есть пресловутое «кажется». Кажется, я это уже где-то видел, кажется, он уже умер двадцать лет назад, кажется, я говорил сам с собой.

Не успел я дойти и до середины кладбища, как был ослеплён таким же фонарём, каким минут десять назад сам освещал все могилы.

– Что-то ищите? – прокричал через ливень человек в чёрном дождевике с какой-то палкой в руках.

«Проблем себе на голову», – подумал я.

– Могу чем-то помочь? – не унимался он и приподнял палку.

Палка оказалась лопатой, а человек – работником кладбища, могильщиком или как их там?

– Я ищу одну могилу! – прокричал я в ответ.

– Это я уже понял, – всадил он клинок в мокрую землю и продолжил копать.

– Правда? – удивился я, не торопясь подходить к этому типу. Человек на кладбище с лопатой в руках – не самый приятный парень.

– А здесь можно искать что-то другое? – ухмыльнулся он.

И правда, кроме мертвецов, ничего не найдёшь.

– Вы не знаете, где здесь могилы восемнадцатого года? – спросил я.

– Тут все вперемешку. А кто вам нужен?

– Питер Кларк.

Могильщик замолчал и посмотрел на меня.

– Сэр, – окликнул я его после затянувшейся паузы.

– Однофамилец, что ли? – посмотрел он на белый камень возле своих ног.

Я подошёл ближе.

Белый камень оказался свежим надгробием, а яма – могилой, возле которой он и соби-
рался поставить его.

– «Питер Кларк, 1962–2038 гг», – прочитал я надпись, подсвеченную мне фонарём чело-
века с лопатой.

– Ну что? – посмотрел он на меня через льющийся с капюшона дождь.

– Однофамильцы, – процедил я сквозь стучащие зубы, посмотрел за могилу и остолбенел.

Теперь я не чувствовал ничего – ни дождя, ни холода, ни страха перед этим незнакомцем,
только шум оглушающим эхом проносился в ушах.

Как я мог это забыть, ведь на том самом фото из моего некролога я случайно захватил
резной барельеф камня соседней могилы, на нём был изображён улетающий голубь, а крылья
его будто разрывали плиту. Этот камень был выше и больше других, больше надгробия мистера
Кларка. Как и тогда, барельеф стоял здесь и сейчас.

Получается, мистера Кларка похоронили в той же могиле, на том самом месте, как и
много лет назад. Получается, я не сошёл с ума. Или сошёл? Но сейчас не об этом. Таких сов-
падений быть не могло, таких случайностей не бывает. Мне нужны были доказательства, сви-
детели, фото могилы, хоть что-нибудь...

– Что-то не так, сэр? – спросил могильщик.

Он оставил фонарь на земле, так что тот освещал всю могилу, а сам, спрыгнув в яму,
копал уже из неё. А я всё не мог оторваться от даты на этом камне, мне казалось, закрой я
глаза и открой их снова, что я проделал уже раза три, то дата после тире станет на порядок
меньше. Но ничего не менялось, так и стоял на месте 2038 год.

– Всё так, – кивнул я и пошёл к воротам, – всё именно так, как и должно быть в самых
идиотских кошмарах.

– Завтра придёте? – вдруг спросил он из ямы.

– Не понял...

– Будете на похоронах? – крикнул он мне через ливень.

– Нет, спасибо, я уже был.

Он посмотрел на меня, как на психа, и продолжил копать.

Может, я им и был.

2 глава

В салоне кричат пассажиры, матери успокаивают детей, кислородные маски свисают над креслами, но от них больше нет толку. Пальцы нервно стучат по телефону, вбивая последние слова. Астматик напротив вдыхает альбутерол, у него запотели очки. Рядом кричит ребёнок, переходя на хрип. У кого-то беспрестанно звонит мобильный. Сильный гул, громкий треск. Самолёт пытается выровнять крен. Гаснет свет, темнота.

Анна заглывает спёртый воздух и никак не может вздохнуть.

«Открой глаза, открой глаза!» – она пытается себя разбудить. Внизу лишь огни берегов и морская тёмная гладь. И они в эту гладь падают с немислимой скоростью.

«Проснись!»

– Боже! – она задохнулась от страха.

Опять в холодном поту просыпается, сжав мокрую простынь. Ее лёгкие полны воздуха, но всё так же неподвижно тверды. Она не может вздохнуть, пошевелиться, сделать хоть что-то. Так всегда цепенеет тело после этих ночных кошмаров. Анна часто умирает во сне, пару раз за неделю точно. Сегодня был тот самый раз. Всегда один и тот же сон, и каждый раз как по новой. Смерти второй не бывает. К ней невозможно привыкнуть, даже во сне. Во сне Анна падала молча, это другие кричали, а потом пыталась воскреснуть, как мёртвая лежала в постели, пока не приходила в себя.

Она не могла заснуть без снотворных уже несколько лет. Её психика, борясь с неизбежным, блокировала всякий сон.

Ей посоветовали сходить к психологу. Она была у врачей. Дело в том, что она сама была психологом и ничего не помогало, ни одна из десятка методик. Она медленно шевелит рукой, пальцы постепенно отпускают простынь – один, второй, она разжимает кулак. Чувствует руку до локтя, теперь выше, боль в желудке под рёбрами, в сердце – оно безудержно бьётся, приливающая кровь к вискам. Ноги свело в острой судороге, Анна вскрикнула, напряглась и посадила себя. Упёрлась руками в матрас, опустила ноги на пол – только мурашки в пальцах, онемение и боль. Она растирает ступни о шерстяной ковёр, пока не обжигает их трением. Она чувствует ноги, чувствует мягкость ковра. Она здесь, только бы встать с постели. Кто-то звонил ей всё утро, пока она пыталась проснуться. Вот опять – телефон на прикроватной тумбе разрывается в напрасных потугах. Анна нажимает «принять» и включает громкую связь. На том конце – женский голос, она узнаёт этот голос, как давно она не слышала его.

– Анна, это ты?

– Да, Филлис.

– Анна, милая, – голос плачет, – такое горе. – Замолкает, набирает воздуха, говорит: – Твой отец умер вчера.

Анна смотрит по сторонам, ей кажется, она ещё спит, ей кажется, это не с ней, не может с ней этого быть.

– Умер вчера? – переспрашивает она, надеясь услышать что-то другое.

– Разбился на своём проклятом самолёте.

– На чём?

– Ох, милая, похороны уже послезавтра, пожалуйста, прилетай.

Анна отключает телефон. На часах десять утра, за окном осеннее утро. Она уже чувствует тело, всё, до последней частицы, но это совсем не важно. В голове одна только мысль – это всё ещё сон.

Она вспоминает отца, его запах и взгляд мягко-строгий, исподлобья, из-под очков, его смех, кабинет и кресло, лабораторию, пробирки, и он над своим микроскопом, прильнув к окулярам, будто в них, а не вне – целая жизнь.

Анна спустилась с кровати на тёплый ковёр. Телефон на тумбе лежал неподвижно, она потянулась к нему, посмотрела последний номер – это точно был он. И номер, и голос плачущей Филлис.

Нажала на кнопку «вызов». Через пару гудков:

– Алло.

– Алло, Филлис?

– Да, дорогая.

– Ты мне звонила?

В телефоне молчание. Анна быстро открывает выдвижной ящик тумбы и суетно шурудит в нём.

– Только что, моя дорогая, – всхлипывают на том конце.

– Прости, я плохо тебя поняла, я только проснулась, ты сказала, что...

Анна находит ручку в ящичке тумбы, смотрит на металлический стержень, торчащий из пластикового дула, и со всей силы всаживает его себе в ногу. Боль такая, что хоть кричи. Жмурится.

Закусывает губу.

Открывает глаза.

Не сон. В телефоне всё та же Филлис.

– Отец умер, Анна, тебе нужно приехать, – повторяет она.

Точно не сон. На бедре возле колена кровит красно-синяя точка, испачканная в чернилах, в трубке длинные гудки, в голове непонятно-сумбурное. Может, Филлис сошла с ума? Анна встаёт, ноги плетутся по полу, цепляясь за длинный ворс шерстяного ковра. Её ноутбук должен быть в сумке. Она открывает молнию, достаёт компьютер, включает. Запускает браузер, смотрит на поисковую строку и не знает, какой вбить запрос.

Питер Кларк разбился на самолёте... ПОИСК.

«Страшная авария произошла над Ла-Маншем».

«Известный профессор, Питер Кларк, разбился сегодня на легкомоторном самолёте».

Это какой-то абсурд.

Анна закрывает ноутбук и идёт в душ. Вода бьёт больно по темени, стекая по голой спине, в голове слова Филлис, перед глазами отец. Как же так? Она выключает воду, тянется за полотенцем, повязывает его на груди, включает фен. Гул воздуха не перебивает Филлис, она всё так же говорит о смерти, отражение в зеркале не мешает видеть отца, он всё так же перед глазами.

Через два часа Анна едет в такси по дороге в аэропорт. Слушает новости и джаз. Через час сидит в самолёте. Она покупает последний билет из такси, пока добрый японец тактично молчит всю дорогу. Ей тем и нравилась Япония – здесь все тактично молчат. Анна просит воды и выпивает две капсулы сразу. Хорошее снотворное действует мгновенно. Анна ненавидит самолёты с тех самых пор, как она прилетела сюда. В тот день следующим рейсом летел другой борт, который разбился над океаном. Анна слышала, как объявили об этом, Анна видела людей, ожидающих своих близких. Их крики у окон аэропорта, их вопли у регистрационных стоек. Ей казалось, они оплакивали её.

Больше она никуда не летала, даже домой. Почти сразу после прилёта её начали мучить кошмары, как она разбивалась о море, снова и снова, опять и опять.

Снотворное действует мягко, тихой волной накатывает и снова отходит, то сохраняя её ещё здесь, то уводя в забытье. Анна оглядывает самолёт, нет ли здесь детей и мужчины-астматика в толстых запотевших очках с ингалятором в левом кармане. Нет, это другой самолёт, точно другой. Вот только... Её бросило в жар. Вот только сейчас тоже осень. Анна поклялась себе никогда не летать в чёртову осень, там во сне тоже всё пожелтело, заливая огневидными красками все деревья, мосты и дома. Анна хочет встать и выйти на воздух, но тело будто вросло

в это кресло, ноги и руки ослабли, сознание уходило, оставляя бесконечную темень, погружаясь в искусственный сон.

Она видит отца, он, серьёзный и строгий, ходит по кабинету, лишь изредка смотря на неё.

– Значит, ты уже всё решила? – Он останавливается на мгновение и окидывает её презрительным взглядом.

– Да, я меняю специальность.

– От учёного в психологи? Так?

– Так...

– Можно узнать почему?

– Пока ещё есть время...

Это был третий курс института.

– Тебе же нравилась наука...

– Это тебе она нравилась, пап, и психология тоже...

– Нет! – он крикнул так строго, что у Анны зазвенело в ушах. – Это полнейшая чушь!

Ты просто безответственная. Ты бросаешь дело всей своей жизни...

– Это дело твоей жизни, пап.

– Знаете что, мисс...

– Мисс, мисс, – кто-то трясет её за плечо, – проснитесь, мы приземлились.

Над ней стюардесса. Она на земле. Пассажиры толпятся на выходе из салона.

3 глава

– Где у вас архив «Вечерней газеты» за 2018 год?

Сегодня я встал с больной головной и заложенным носом, и ещё с резью в горле, что казалось, куда-то под гланды мне вставили лезвие бритвы и оно раздирало там всё.

Если завтра опять умрёт тот, кто уже умер сегодня, я даже с места не сдвинусь. Напишу абсолютно такой же некролог и абсолютно спокойно перешлю его в редакционный отдел.

Центральная библиотека города находилась в трёх кварталах от моего дома. Её каждый раз хотели закрыть, и каждый раз находились те, кто кричал, что бумажная книга ещё жива.

Женщина в очках-кошках и с «палками» в голове, которые как-то держали то, что называлось причёской, посмотрела на меня исподлобья и указала карандашом в зал.

– На любом из компьютеров, – сказала она.

– Нет, мне нужна сама газета, – закашлялся я.

– Они все отсканированы и занесены в нашу базу, – отстранилась она от меня и протёрла руки вонючим спиртом.

– Отсканированы?

– Да.

– Все?

– Все.

– То есть оригинала нет?

– Но это и есть оригинал, – она смотрела на меня так, будто впервые видела такого идиота.

– Да, конечно, – не мог не согласиться я.

Конечно, всё было так, как я и думал. Разве что-то могло пойти как-то иначе, если не наперекосяк? Когда с курса сбивается целый корабль, все, кто на нём, идут в никуда.

На первой полосе «Вечерней газеты» за 5 ноября 2018 года тоже был некролог. Но посвящённый не Питеру Кларку, а какому-то Абдулу Селиму, отличному пекарю, верному мужу и хорошему отцу, умершему своей смертью в кругу родных и близких.

«А ты кто такой, чёрт возьми?» – смотрел я на толстого усатого мужчину восточной наружности с лепёшкой хлеба в руках.

– Простите, – подозвал я библиотекаря.

Она шикнула на меня и прислонила палец к губам. Я огляделся. В зале, кроме нас, никого не было.

– Простите, – повторил я шёпотом, дабы не мешать непонятно кому, – а ошибки в архиве быть не может?

– Неправильная сортировка по дате? – спросила она.

– Нет, с датой всё в порядке.

– В чём же проблема?

Что мне ей сказать? Что статья в газете не та, что была двадцать лет назад? Что мой мертвец был совсем другим человеком и я хочу видеть именно свой некролог, а не этот, не пойми чей. Я быстро пролистал страницы, все другие отделы на первый взгляд не изменились, и спортивный, и политический, и отдел рекламных объявлений – все на месте. По сути, ведь некролог тоже был, только не тот.

Женщина в строгом костюме всё так же смотрела на меня из-под кошачьих очков. Мне вдруг почудилось, что если я выйду из этой библиотеки, а после зайду обратно, то здесь уже будет не она, а совсем другая тётка, а может, и библиотеки не будет... всё идёт кувыркком.

– Всё в порядке? – уточнила она.

– А мог кто-то залезть в компьютер и что-то изменить? – спросил я. – Ну, знаете, пошутить, что ли, с фотошопом, например.

Женщина взглянула на меня так, будто я спросил, не мог ли кто-то залезть в библиотеку и обесчестить её саму.

– Нет, не мог, – сказала она, – что-то не так?

– Всё так, извините, – сказал я, распечатал нужные мне страницы с усатым Селимом и ушёл.

Естественно, я ей не поверил, как и этой газете, как и всему их архиву. Не могло же быть такого, чтобы не осталось печатных газет!

– Никаких газет не осталось, теперь всё в архивах, – сказали мне в другой библиотеке, через четыре улицы от той.

Эта женщина была чуть моложе и без кошачьих очков, но всё так же противно шипела.

– Мне нужен только один экземпляр, – сказал я.

– Все в электронных архивах.

В архиве этой библиотеки был всё тот же Абдул Селим и никакого мистера Кларка.

* * *

На месте и до того неизвестной мне пекарни стоял известный всем магазин. Я взглянул на распечатку газеты и опять на известный магазин. Адрес на табличке дома, возле которого стоял мистер Селим, был тот же, как, собственно, тем же был и дом. Неужели и пекарни здесь никогда не было? Мне вдруг пришла бредовая мысль, такая бредовая, что даже озвучивать стыдно: мне вдруг показалось... Нет, такое нельзя произносить вслух. Мне вдруг показалось, что весь реальный мир существовал лишь на страницах газет, а жизнь оказалась совсем нереальной. Я приложил ладонь к горящему лбу – надо бы купить аспирин, пока не забредил ещё сильнее. Пока бред, овладевший всем миром, не захватил и меня.

– О-о, господин Селим, – протянул чей-то хриплый голос у меня за спиной.

Меня чуть не передёрнуло.

– Нет, я не Селим, – обернулся я.

– Не вы, – тыкал грязный палец в распечатку газеты, – господин Селим.

– Вы его знаете? – я отшатнулся от неприятного запаха прокисшего супа и, кажется, прочистил нос.

Маленький, скрюченный бездомный старикашка улыбался мне беззубым ртом.

– Все знали мистера Селима, все любили его пекарню. Мистер Селим кормил всех бездомных, как велел ему его пророк.

– Кормил?

– Да...

– Лет двадцать назад?

– Почему же. Год назад, – недоумевал бездомный и протянул свою грязную ладонь.

Я положил в неё две монеты.

– Мистер Селим умер год назад? – спросил я.

– Нет, это пекарня закрылась год назад, а мистер Селим умер давно. А в его пекарне так и продолжали раздавать лепёшки, как и завещал мистер Селим. Хороший был человек... и жена его тоже хорошая.

– Она, я так понимаю, тоже мертва?

– Нет, ещё нет.

«Ну хоть кто-то в этой истории был жив», – подумал я.

– А вы не знаете, где она сейчас?

Сейчас он скажет, что уехала к себе, куда-нибудь в Стамбул или Марокко.

– Жена его живёт через два дома отсюда, – он показал на старый коттедж, укутанный лозой винограда.

Ну хоть с этим мне повезло. Я пошёл к указанному дому. В голове крутилось... Да чего только там не крутилось. Я остановился и ещё раз взглянул на свои распечатки.

Внизу некролога значилось «Керри Мильтон».

Может, это и правда я написал?

Нет, полнейший бред! Я не помнил никакого Селима и никакой пекарни, я не помнил ничего, что было связано с новым некрологом.

Белый дом с облупившейся штукатуркой покрывала густая лоза, она доползала до окон первого этажа, огибала их, переходя на высокий навес, на котором висели огромные гроздья – никто не снимал виноград. Может, и нет здесь никого... Только я потянулся к двери, как она распахнулась. Через густые ресницы карих глаз на меня смотрела старая женщина с огромной копной седых волос.

– Госпожа Селим?

– Мне не нужны пылесосы, – сказала она и попыталась закрыть дверь.

– Нет-нет, госпожа Селим, – придержал я дверь. – Я ничего не продаю.

– Сейчас все всё продают, – ворчала она.

– Мне нужно с вами поговорить, я из местной газеты.

Она прищурилась и опять высунулась из двери.

– Да-а, – протянула старушка.

– Скажите, ваш муж скончался двадцать лет назад?

– Да... – прищурилась она ещё сильнее, осматривая меня с головы до ног.

– Об этом писали в газете.

– Да? – удивилась женщина.

– Некролог выходил.

– О ком?

– О вашем муже.

Она удивлённо хлопала большими глазами.

– Здесь написано, – держал я перед ней отсканированную распечатку, – что он был владельцем небольшой семейной пекарни.

– Да, – пробежалась она глазами по серым листам. – Всё правильно, хорошо написали.

Она молча посмотрела на меня и сжала губы в морщинистый красный бант.

«Сейчас что-то скажет», – подумал я. Что-то, что прояснит весь этот кошмар.

– Он пёк отличные лепёшки, – наконец выдавила она из себя, – никто такие не пёк.

– Хорошо...

– Очень вкусные.

– Отлично!

– И раздавал их бедным.

– Добрейшей души человек!

– Хотя мы сами были бедны.

– Охотно верю, но, госпожа Селим, вы же понимаете, что обычным пекарям не пишут некрологов на первых страницах центральных газет.

– Но он был очень хорошим пекарем и хорошим человеком, мой муж – хороший человек, – возмутилась пожилая женщина.

– Я понимаю. А больше он ничем не занимался?

Она задумалась.

– Он вязал корзины.

- И всё?
- И жарил мясо, баранину.
- Понятно. И всё?
- И всё.

И всё, что мне удалось разузнать. Тот, кто подменил некролог, скорее всего, нашёл этого Селима в списке умерших в тот день и заменил его смертью смерть мистера Кларка.

Итак, у меня нет нужной газеты, нет доказательств, нет ни одного человека, кто не счёл бы меня сумасшедшим, есть лишь один бредовый день.

* * *

– А я тебе говорю, что этот парень умер двадцать лет назад, понимаешь! – тыкал я стаканом виски в бармена. – А три дня назад он умер опять!

Бармен с привычно равнодушным взглядом тряс свой шейкер и, открутив крышку, разлил коктейли по бокалам. Я сделал ещё глоток, потом ещё, и ещё, и осушил стакан.

– Я ведь не сошёл с ума, понимаешь, – крикнул я тому, чья профессия была всех понимать, – я помню эту могилу, я видел её, вот как тебя...

Он кивнул.

Я попросил добавить ещё.

– Если бы я только мог доказать, не им, – я показываю в толпу, – себе! – Он кивнул в ответ, оценивая мою некондицию, налил ещё, я выпил всю залпом. – Мне главное разобраться во всём самому. Кто-то следит за нами, – я перешёл на шёпот, – кто-то меняет мир, но мы не замечаем ничего. Мы не заметим, даже если завтра проснёмся в другом месте, а вот если я обсчитаю тебя или ты меня, вот это мы не пропустим, это мы запоем на всю жизнь, а этого Кларка никто, кроме меня, и не запомнил...

В голову ударило жаром, заволокло пьяным туманом, или это был местный кальян... Всё поплыло перед глазами, и бармен, и стаканы, и бутылки позади него. Этот бар был недалеко от редакции, мы зависали здесь по выходным или в дурацкие дни, запивая свои провалы.

– Ему больше не наливать! – сказал знакомый женский голос.

Виктория. Ммм... я любил наблюдать за ней. Она была хороша. Мы работали вместе уже добрых... нет, не добрых лет двадцать. Когда-то она вышла за Стива, но они потом развелись. Я бы к ней сейчас подкатил, если бы умел это делать.

– За что пьёшь, Керри? – крикнула она мне в ухо.

– За вот это! – дал я ей распечатку.

– Кто-то умер? – пробежалась она по статье.

– Ага! Двадцать лет назад!

– Пекарь?

– Да нет! Это не тот некролог! – я уже чуть не плакал. – Я писал другой. А этот писал не я.

– Но тут твоя фамилия...

– Все равно не я! Ты помнишь Питера Кларка?

– Кого?

– Его сбила машина.

– Когда?

– Давно! В 2018 году, а недавно он умер опять!

– Ты пьян, Керри?

– Может быть, но это ничего не меняет. Так ты помнишь его или нет?

– Кого?

– Питера Кларка. Это был мой первый некролог... Он умер дважды, тогда и сейчас.

– Ты хочешь сказать, он воскрес? – ухмыльнулась Виктория. – Люди не воскресают, Керри, а вот ты мертвецки пьян! Тебе нужно проспаться. И не забудь, завтра планёрка.

– К чёрту планёрку! Так ты ничего не помнишь?

– Прости, – поцеловала она меня в щёку и, взяв бутылочку пива с собой, вышла из бара.

Раньше бы я проводил её взглядом, смотря на её округлые бёдра, но сейчас я смотрел лишь на старого пекаря с лепёшкой в руках.

– Откуда ты взялся, чёрт тебя подери?

4 глава

Я стою посреди незнакомой улицы, возле дома, который долго искал. Мне необходимо здесь быть и предотвратить страшное. Я прихожу сюда часто и стою подолгу, жду, пока это опять не случится, и оно случается опять, и я ничего сделать не могу. Небольшой дом с белыми стенами и звенящей штукой над дверью освещался утренним солнцем. Сердце колотится, ноги дрожат, меня лихорадит. Жду, когда он придёт.

Вот он – человек странно одет, его вид нелеп, походка тоже, он не уверен, но это не помешает ему убить. Он подходит к этому дому и встаёт у высокой двери такого же высокого забора. Стучит.

– Эй! – я стою рядом и кричу ему прямо в ухо, но он не слышит меня. Я хочу оттолкнуть его, сделать хоть что-то, но между нами словно невидимая стена, и пробить её невозможно.

Дверь дома открылась.

– Нет, господи, нет! Иди в дом! Иди обратно! – я чуть не срываю голос, но не могу докричаться.

Из дома выходит пацан лет пятнадцати, может, чуть больше, я не могу его разглядеть, всё будто в тумане. Он идёт нам навстречу.

– Не открывай!

Я уже охрип, но они не слышат меня. Никто не слышит меня, как бы я ни кричал. Парнишка подходит к калитке.

– Иди обратно, твою мать!

Наклоняет ручку двери...

– Не открывай! Не открывай!

Странный тип в спортивных штанах и пыльном свитере держит пистолет за спиной. Я не вижу его лица, я почти ничего не вижу.

Всё покрывается сплошным туманом. Всё сжалось внутри.

– Не стреляй!

Дверь открыта.

Они видят друг друга. Не говорят ничего. Только я надрываюсь, как псих, на последнем своем издыхании. Этот тип достаёт пистолет, думает пару секунд и...

– Не стреляй!

Выстрел.

Стекло лопается, искривляется рот, парень падает лицом на землю.

Человек не оборачивается, не смотрит на меня, и я не могу его разглядеть, всё застыло в немой картине, только звук выстрела эхом по городу. Всё сжимается – и улицы, и дома, всё давит и идёт на меня. Голова раскалывается на части.

Я проснулся в бреду.

Лежал в мокрой от пота постели и не мог вздохнуть. Лишь запоздалым призрачным эхом, от виска к виску был слышен протяжный выстрел.

Всякий раз, засыпая, я думал, что мне сделать во сне, чтобы исправить исход, и каждый раз сделать ничего не могу. Всё будто и должно так быть и нет другого пути. Откуда я это помнил? Где это видел, если этого парня я не знал никогда? А я точно его не знал. Я перебирал фотоархивы, свои и знакомых, и даже дальних родственников, но не нашёл ничего. Его не было в моей жизни. Я судорожно вспоминал, не писал ли когда об убийстве подростка, но нет, на свои статьи у меня отличная память, ничего такого я не писал. Я даже ходил к мозгоправу, это был странный опыт, перебрал все варианты, он спросил – не хотел ли я когда-то убить себя. Нет, чёрт возьми, этот парень не был мной. Не то чтобы я любил свою жизнь, но и прощаться с ней не спешил.

Я испробовал немало таблеток для спокойного сна. От них не было толку, после них я видел всё то же, лишь в замедленной съёмке. Так было лишь хуже, кошмар растягивался во времени, а исход был один. Я перестал их принимать.

Жар бил по щекам, сердце заходило в нарастающем ритме, не давая прийти в себя.

– Проснулся? – голос матери. – Что-то приснилось?

Она звенела посудой на кухне.

Я хотел прийти в себя и успокоить дыхание, этот проклятый сон снится мне несколько лет. Кто-то убивает подростка, и я не могу тому помешать.

– Если бы ты, наконец, женился, то мне не пришлось бы ехать несколько остановок, чтобы готовить тебе суп, – мама вышла из кухни. – У тебя была бы жена и дети...

– Ради бога, мам, не начинай.

Я уже два дня как валялся в постели, и два дня как сходил с ума от всего этого бреда.

– Я и не начинаю, – она поставила тарелку на прикроватный столик. – Где ты вообще мог так простудиться?

– На кладбище, – прихлёбывал я куриный бульон.

– Кто-то умер? – она села рядом.

– Да, Питер Кларк, двадцать лет назад. Я писал тогда некролог, а сейчас, в годовщину, мне нужно было найти его надгробие...

Точно! Меня как будто током ударило. Ведь тогда была тоже осень!

– Помню-помню, – заулыбалась она, посмотрев куда-то в потолок, будто там на потолке прокручивались слайды её воспоминаний, – твоя первая статья.

– Это не статья, мам, это некрол... Подожди! Что ты сказала? – я подпрыгнул в постели, чуть не разлив весь суп.

– Осторожно, – вытирала она стол. – Я сказала, что это твоя первая статья. Ты был таким талантливым мальчиком, лучшим в университете.

– И ты это помнишь?

– Что ты был лучшим? Я всегда это знала.

– Нет, я про ту статью, некролог... Ты помнишь, о чем я писал?

– Конечно, помню, твоя мать не настолько стара. Я собирала все твои работы, – погладила она меня по щеке. – Журналистика – это отличная профессия, сынок, я так рада, что ты выбрал именно её, хотя, может, поэтому у тебя нет жены и...

– Подожди, ты хочешь сказать, что собираешь все мои статьи?

– ...и детей.

– Что?

– У тебя нет детей, а у меня внуков.

– Да, я знаю. А тот некролог, та самая газета, до сих пор у тебя?

– Всё у меня, – кивнула она.

Я мчался на другой конец города в пижаме и ботинках на голую ногу. Я был в доме у матери через час, после того как узнал о её тайниках с моей писаниной. Влетел на пятый этаж, спотыкаясь на каждой ступени, понял, что ключей у меня нет, когда уткнулся в закрытую дверь, я слышал, как поднимается мама на скрипучем вековом лифте.

– Пожалуйста, мам, поскорей! – крикнул я в глубокую шахту.

– Как, по-твоему, я должна подгонять лифт? И к чему такая спешка, ей-богу, – ворчала она, выходя из решётчатых скрипучих дверей.

– «5 ноября 2018 года погиб известный учёный...» – читал я вслух. Это была та самая газета двадцатилетней давности с той самой статьёй, и не было в ней никакого Селима, и, значит, я не сошёл с ума!

– «Профессор был сбит на территории кампуса», – продолжил я читать, всматриваясь в каждое слово, будто не веря в то, что они не исчезнут. – *За рулём спортивного автомобиля находился пьяный студент. Как известно, покойный был непубличным человеком, но это не умаляло его достижений в медицине и того, какой огромный след он оставил в нашей памяти и сердцах.*

Все газеты начиная с 2018 года лежали в огромной стопке, спрятанной в нижних ящиках шкафа гостиной.

– Не может этого быть, – я перечитывал некролог по пятому разу. Все было на месте, каждое слово, каждая фраза, каждый абзац и фотография всё та же, которую я сделал тогда.

– И к чему такая спешка? – мать заглянула в газету. – Если тебе ничего не стоит сорваться с места и примчаться на другой конец города, почему я вижу тебя только под Новый год?

– Видишь это надгробие, мама?

– Я видела его ещё тогда, думаешь, оно с тех пор изменилось?

Ты даже не представляешь как...

– Какая здесь дата? – смотрел я на неё, надеясь, что это не только мой бред.

Она приложила ладонь к моему лбу.

– Странно, а ведь ты почти что здоров.

– Какая здесь дата смерти, мама?

– Две тысячи восемнадцатый год, – с недоверием посмотрела она на меня.

– Запомни это, хорошо?

– Запомнить что?

– Если когда-нибудь я приду к тебе или ты ко мне (я уже не исключал того, что могу оказаться в психушке) и спрошу тебя, в каком году умер Питер Кларк, ты назовёшь мне эту дату.

– Я ничего не понимаю.

– Запомни дату, мама! Или запиши! – Я подошёл к холодильнику и, написав на салфетке – «Питер Кларк 1962–2018», прижал её к дверце магнитом.

– И вот это должно теперь висеть на моём холодильнике? – недовольно посмотрела на салфетку мама.

– Это доказательство моей адекватности! – крикнул я, выходя из квартиры.

– Только это, и всё?..

Я выбежал из дома с газетой в руках.

Кто-то взломал архив и переписал там всё.

Сел в машину, еле попал в замок.

Мне гудели на перекрёстках. Сигналили на светофорах.

Нужно было перелопатить все архивы библиотек.

Кажется, я проехал два раза на красный. Мне было не до того. Кто-то менял этот мир, и никто ничего не знал. Не мог же я один помнить о его смерти? И в чём был замешан этот Питер Кларк? А может, что-то ещё изменилось? Может, кто-то случайно мёртв или случайно жив... Кто-то менял фигуры на шахматной доске, возвращая давно уже сброшенные, и никому до того не было дела.

– Мы должны написать опровержение! – тряс я статьёй перед лицом старика Хендерсона.

– Это что, пижама? – осмотрел он меня сверху вниз. – Уйди с дороги, Керри, не видишь, я занят!

Хендерсон отстранил меня от стола, а сам раскладывал по стопкам бумаги.

– Что ты делаешь?

– Ухожу в отпуск.

– Сейчас?

– Я не был там десять лет!

– Послушай, но ты же видишь эту газету?

– Ну, допустим, – перестал он на секунду сортировать документы.

– Я писал о смерти Питера Кларка двадцать лет назад.

– И?

– И он умер повторно!

– Прекрасно!

– Это передавали по новостям.

– Охотно верю!

– Но можно же об этом написать, это резонансное дело!

– Это бред сумасшедшего, нас примут за идиотов или закроют вообще, кстати, мы к этому очень близки. Ты видел последние цифры?

– Слушай, Хендерсон, – встал я у него на пути, – человек умер дважды, тогда и сейчас...

– Мне плевать! Кто-то здесь облажался, либо ты, либо эти кретины из новостей, либо это вообще разные люди. А сейчас отстань от меня, Керри, меня ждут тайские массажистки.

Хендерсон вышел из кабинета, а я чуть не получил дверь по лицу.

– Но это же невозможно – быть похороненным дважды! – крикнул я ему вслед, собрав на себе и своей пижаме недоумённые взгляды отдела.

5 глава

У дверей Анну встретила Филлис, вся заплаканная и всё в той же форме – строгое чёрное платье, чёрные туфли на низком твёрдом каблуке.

Зачем ей всё та же форма и что она делает в этом доме? Разве она не ушла тогда, многие годы назад?

– Мисс Кларк, вы прилетели, – Филлис изобразила улыбку, но та не выходила никак.

Они не были долго знакомы, отец нанял её всего за полгода до того, как она улетела.

– Как там в Японии, милая? – не зная, что сказать, спросила Филлис.

– Осень, – ответила Анна и прошла в дом.

Весь дом был пропитан запахом отцовских сигар и его старым одеколоном, он всегда им душился, когда уходил на работу, а запах этот мог стоять целыми днями.

«Целыми днями, – подумала Анна, – это совсем недолго, какие-то дни». Она прошла в гостиную. Филлис, до того пребывавшая в трауре, не включала в доме свет и зашторила окна, а теперь нащупала выключатель и зажгла хрустальную люстру под высоким, на два этажа, потолком. Свет пролился по комнате. Анна покачнулась и удержалась за кресло. На камине и книжных полках фотографии её и отца. Она медленно подошла к выстроенным в шахматном порядке фоторамкам. На них отец не был уже так молод, как тогда, в год её отъезда. Виски его ещё больше покрылись сединой, в уголках глаз и на щеках глубже стали морщины. Он смотрел на неё тем же взглядом, как и двадцать лет назад, только более уставшим и старым.

– Господи, – Анна закрыла лицо руками.

– Присядь, милая, присядь, такая потеря, – хлопотала Филлис, – хорошо, что ты приехала, что было, то было, незачем так долго держать обиду, тем более сейчас. – Она опять поднесла платок к глазам.

– Так долго? – не поняла Анна.

– Ой, да это не важно, столько времени прошло...

– Филлис, – с какой-то непривычной злостью посмотрела на неё Анна, – сейчас же объясни мне всё.

– Я... я имела в виду, вы же почти не общались...

– Почти?

Анна не понимала, как они могли бы общаться. Как вообще можно общаться с человеком, которого нет?

– После того, как ты уехала, мистер Кларк ещё звонил, но ты не брала трубку. Помнишь, как вы поругались перед отъездом? Он сказал, что ты должна уйти в медицину, а не в эту, как он сказал, лженауку. Ты ответила, что он не имеет права... – Филлис опять всхлипнула.

– Продолжай.

– И если ему так стыдно, что его дочь не учёный, а обычный психолог, то ты тогда вообще уедешь на другой конец земли, чтобы он не стыдился тебя.

– Я такого не говорила...

Она говорила и хорошо это помнила, но пыталась забыть. Анна сильно поссорилась с отцом перед самой его кончиной. И каждый раз проклинала себя за это. И теперь ей будто в лицо ткнули её же стыдом, тем стыдом, от которого она так долго скрывалась. «Всё же отец был прав, – думала Анна, – психолог из неё был так себе». По крайней мере, для себя самой.

– Я такого не говорила, не говорила, – повторила она, будто уговаривая себя в этом.

– Прости, я уже всего и не упомяну, – разволновалась Филлис, – но вы так поругались перед твоим отъездом... После он написал тебе через год, поздравил с днём рождения, пытался дозвониться, но ты не брала трубку.

– Господи...

Анна вспомнила, как ей звонили с телефона отца, она тогда так испугалась, что сбросила номер, думала, что это чья-то злая шутка, позвонила в телефонную компанию, её заверили, что после смерти владельца номер могут передать другому человеку, так она и успокоилась. Пару раз ей снилось, как отец, одетый в красивый костюм, сидит на всевозможных банкетах, встречается с разными такими же хорошо одетыми людьми, а однажды он даже вышел на сцену получить награду за что-то. Анна тогда проснулась в слезах, ей казалось, будь отец жив, он обязательно добился бы этого.

– Что было после того, как я уехала? – Анна ходила по дому, разглядывая его фото.

– Да ничего необычного, – плелась за ней Филлис. – Ты же знаешь своего отца, он вечно в работе, можно сказать, не вылезал из своей лаборатории. Я утром только чай успевала заварить, а он уже, накинув пальто и шляпу, схватив дипломат, выбегал из дома. И я за ним с чайником, в домашних туфлях по снегу, кричу: «Подождите, мистер Кларк, подождите, чаю, хотя бы чашечку!» А он отмахнется, мол, на работе попью. Так он и жил – командировки, работа. Однажды планировал полететь в Японию, там был медицинский симпозиум, но в последний момент его отменили.

Анна не верила своим ушам.

– Но ты не думай, он всегда о тебе помнил.

– Помнил, – повторила Анна.

И она о нем помнила, каждый день.

Как же всё так получилось...

– Я, бывало, спрошу его, как там наша Анна, а он мне – если не звонит, значит, всё хорошо.

Анна уткнула лицо в колени и разрыдалась. Нет, она не верила во всю эту чушь, она просто очень хотела в неё поверить, может, Филлис сошла с ума или кто-то её обманул, но она бы всё отдала, чтобы увидеть отца ещё раз.

– Этого не может быть, Филлис, понимаешь, не может!

– Вы о чём, мисс Кларк?

– Я улетела в Японию после смерти отца, его сбила машина тогда, в 2018-м, я помню, как его хоронила!

– Господи, Пресвятая Дева Мария! Что ты такое говоришь, милая?

– Я говорю лишь то, что помню!

«Это всё шок, – поняла Филлис. – Немудрено, такая потеря».

– Тебе нужно поспать, похороны уже завтра.

– Я не пойду ни на какие похороны, – крикнула Анна, – я на них уже была!

* * *

Филлис проснулась посреди ночи от непонятных звуков наверху. Вооружившись зонтиком-ружьём – мало ли, может, удастся напугать грабителя, – она медленно поднималась на второй этаж.

Оглянулась на входную дверь, та закрыта, свет включать не стала, дом можно осмотреть и утром. Даже если что-то украли, ей уже было не до того. Этот дом опустел чуть раньше, он будто тоже умер вслед за хозяином. Эти стены, мебель и предметы – всё покрылось посмертным холодом, всё померкло без него. И она, наверное, уйдёт отсюда, как только найдёт куда.

Филлис осторожно ступала по лестнице, в своих мягких домашних тапках и сорочке, скосившейся набок – господи, как же не хотелось ей умирать вот в таком несерьёзном виде. Ну что уж теперь. Как найдут, так найдут. Шум доносился из кабинета мистера Кларка. Филлис прошла на цыпочках, тихо припала к стене и, заглянув через тусклый свет дверного проёма, увидела знакомую тень.

В кабинете шумела Анна, разворошив все бумаги и газеты, научные журналы и статьи. Она склонилась над столом и перечитывала что-то под призрачным светом настольной лампы. Свет витражного калейдоскопа от разноцветного абажура играл на соседней стене.

– Подойди сюда, Филлис, – скомандовала она.

Филлис, приставив имитацию ружья к стене, пошла к хозяйской дочке.

– Что такое, мисс Кларк? Не спится? Может, молока с печеньем или ромашковый чай...

– Ты видишь это? – Анна раскладывала статьи и журналы. – Это всё писали о нём, 2023, 2025, 2027-й и недавно. Это всё статьи о его открытии, о его лекарстве!

– Мистер Кларк так много работал, – всхлипнула женщина.

– Мёртвые не могут работать, Филлис!

Филлис на миг отшатнулась, она хотела что-то сказать, но только слёзы подступили к горлу и запершило в носу. Как ей жаль было несчастную Анну, она и не думала её переубеждать. Наверное, это какая-то реакция на смерть, защитный механизм, может быть, или что-то ещё...

6 глава

– Добрый вечер, дорогие друзья! С вами опять я, Мэтт Грегори, сегодня пятница, и, значит, вы снова на шоу «Паранормальная реальность»!

Табличка: «Аплодисменты».

– Как часто мы встречаемся с паранормальным? Раз в десять лет, раз в четверть века? Раз за всю жизнь?

А вот наш первый герой встречается с такими явлениями каждый божий день. Поприветствуем...

«Аплодисменты».

– Сейчас выйдет этот ботан с полтергейстом, после него сразу ты.

– Хорошо.

Я был в гримёрной одной из телестудий города.

– Целую вечность тебя не видел! Сколько лет прошло – десять, пятнадцать?

– Двадцать.

– Двадцать! Не может быть! Скажи мне, куда летит время?

– Без понятия, в чёрную дыру?

– Точно, точно! Мы, кстати, делали шоу про чёрные дыры, ты смотрел? А? Сценарий-то я написал! Ну, каково?

Рон крутился возле меня, пока какая-то женщина с кистью в зубах напудривала моё лицо огромным спонжем.

– А это обязательно всё? – покосился я свободным глазом на Рона, веко второго она натянула.

– Ты бликуешь, – сказал Рон.

– Что?

– У вас очень жирная кожа. – Гримёрша вытащила кисть изо рта и начала шлёпать ею по моим щекам.

– А это зачем?

– Вы очень бледный.

– Значит, ты всё ещё работаешь в той газете? – покачивал головой Рон, поглаживая ровную, как по линейке начерченную, бороду.

Примерно так же люди смотрят на вдовцов, вот с тем же выражением лица: «Ммм... так, значит, теперь ты один?», или на обанкротившихся брокеров: «Значит, ты таки прогорел?», или на погорельцев каких-нибудь: «Значит, дом был не застрахован?».

Этот взгляд нескрываемого сочувствия с плохо скрываемой радостью нельзя спутать ни с чем.

– Нет, ты не подумай, – приблизил он ко мне своё гламурно-загорелое лицо, – ничего такого.

Чего тут думать, и так всё было понятно по его самодовольному виду.

Рон был середняком на нашем курсе, не то чтобы я учился лучше, но дело не в этом. А в том что сразу после университета он устроился помощником режиссёра в одну небольшую рекламную компанию. Режиссёр этот через год ушёл на большое телевидение и взял Рона с собой. Он работал сценаристом разных шоу, а ещё занимался подбором тем и «актёров», которые эти темы будут поднимать.

– Что уж там у тебя? – посмотрел он в свои цветные листы. – Эффект Манделы, хм, интере-е-сно. Хорошо, что ты не стоишь на месте, а знаешь, – он указал на потолочный светильник, – поднимаешься вверх. Вверх, вверх, только туда, парень!

– Чего? – я чихнул от пудры.

Тётка с кистями никак не унималась.

– Если хочешь, я могу замолвить за тебя словечко, и тебя возьмут к нам. Мы, конечно, ещё посмотрим, как зайдёт эта тема, но сценарий ты хорошо прописал.

– Какой сценарий? – не понял я.

– Знаешь, когда ты мне позвонил, я понял – это она! – он хлопнул по своим бумагам.

– Кто она?

– Тема моего нового эфира!

– Да, спасибо, что позволил прийти.

– О чём речь?! Мы же друзья!

Мы никогда ими не были, ну да ладно.

– Да, – согласился я.

Я просидел в интернете сутки, я искал всё об изменённой реальности и нашёл. Нет, не про Питера Кларка, о его двух смертях не было ни слова, по крайней мере о первой, о второй уже кто-то успел написать. Дело не в нём, а в других. А других случаев было немало. И называлось это всё эффектом Манделы.

– Ну перестань, Мари, – отодвинул он гримёршу, – теперь он похож на какую-то девку. Ну чего ты смотришь? Убери немного.

Она взяла огромную салфетку и стала промакивать ею моё лицо.

– Да, так лучше, – сказал Рон, – и лоб, вот здесь, отлично.

– Зачем меня вообще нужно красить?

– Ходить со своим лицом неприлично! – Они переглянулись с гримёршей. – Это прям моветон, фу-фу-фу! Ты пугаешь людей. Знаешь, какое сейчас разрешение? Каждая пора на лице видна. А у тебя широкие поры.

Дверь в гримёрке распахнулась и с размаху ударилась об стену.

– «Эффект Манделы», через пять минут на выход! – заглянула к нам взлохмаченная, кричащая голова.

– Господи, – вздохнул Рон, отряхивая мне плечи то ли от перхоти, то ли от пудры, – эти статистики носятся как сумасшедшие, только краску со стен сбивают. Всё, иди! И не волнуйся, понял? Ведущий там профессионал, разрулит, если что.

Я вышел из гримёрной.

– И в камеру не смотри.

– Что? А куда смотреть?

– Куда хочешь, только не в камеру.

Я пошёл на сцену. Рон бежал за мной.

– Смотри на ведущего, говори с ним.

– Хорошо, понял.

Меня остановили возле кулис.

– Ждите здесь.

– Мы вернёмся к вам сразу после рекламы, не переключайтесь! – донёсся голос ведущего.

– Реклама пошла! – раздалось откуда-то сверху.

– Ты знаешь, Мэтт такой, – Рон изобразил что-то руками.

– Какой? – не понял я.

- Он может слегка подколоть.
- Подколоть?
- Но если ты ему понравишься, все пойдёт хорошо.
- Успокоил.

Я не планировал никому нравиться, я этого ведущего первый раз видел. Мне лишь нужно было рассказать всё, что я хотел. Я надеялся, что кто-то, кроме меня, тоже вспомнит о смерти мистера Кларка. И тогда я уже буду не один. Потому что, когда ты один, это не совсем нормально. Ты вроде как псих-одиночка. А когда с кем-то, то психи уже все остальные. И хоть у меня и были с собой доказательства, но теперь я не верил и им, мне нужен был кто-то ещё. Тот, кто скажет, что всё это время Питер Кларк был безвозвратно мёртв.

Я достал газету из внутреннего кармана пиджака.

- А что это у тебя? – спросил Рон.
- Доказательства.
- Во-о-т, это ты хорошо придумал! – хлопнул он меня по плечу. – Вот это уже серьёзно!
- Но я ничего не придумывал...
- Правильно. Главное – верить. Верь, и тогда поверят другие.
- «Эффект Манделы» через пять секунд на сцену, – раздался голос статиста.
- Пять, четыре, три, два...

– Ну давай, – Рон хлопнул меня по спине.

– Поприветствуем нашего следующего гостя – журналиста из «Вечерней газеты» Керри Мильтона! – помпезно протараторил ведущий. – Проходите, Керри.

Я прошёл.

– Проходите-проходите, не бойтесь. Я не кусаюсь. Итак, – указал он на жёлтое кресло. Я сел.

– Итак, чем вы хотели нас шокировать?

– Шокировать?

– У меня так и написано – шок-контент, – посмотрел он в свою карточку. – Ну, говорите, мы ждём.

Табличка: «Аплодисменты».

– Дело в том, – я откашлялся.

– Мы вас не слышим, Керри!

– Дело в том, – я стал говорить громче, – что неделю назад я столкнулся с очень странным явлением...

«Шум и перешёптывание в зале».

– Продолжайте.

– Ровно неделю назад, пятого ноября этого года, новостные каналы нашего города сообщили о смерти некоего Питера Кларка.

– Подождите, Керри. Подскажите, у нас есть эта запись? – обратился к кому-то ведущий. – Да, – прижал он наушник к уху, – мне подсказывают, что запись этих новостей у нас есть.

На стене за нашими креслами включился огромный экран.

Миловидная ведущая в ярко-синем костюме и с блондинистой шевелюрой зачитывала текст, который все эти дни, как на заезженной пластинке, крутился у меня в голове:

«С вами вечерний выпуск новостей. Сегодня в районе шести часов вечера у берегов Ла-Манша разбился легкомоторный самолёт. По предварительным данным, за штурва-

лом, кроме пилота, никого не было. Погибшим оказался известный профессор медицинского факультета Питер Кларк. Мы приносим свои соболезнования родным и близким погибшего».

Экран погас.

– Я помню этот выпуск, – Мэтт посмотрел на подготовленную аудиторию, – а вы?

Зрители одобрительно зашумели.

– Так что же вас смутило в этой трагедии? Что в ней не так?

– Дело в том...

– Пожалуйста, говорите громче, Керри.

– Дело в том, что я уже писал о смерти Питера Кларка двадцать лет назад, – сказал я.

Публика зашумела.

– Подождите-подождите, вы хотите сказать, что уже писали о смерти Питера Кларка?

– Да.

– Того самого, профессора университета?

– Именно.

– И тогда он тоже разбился на самолёте?

– Нет, его сбила машина на территории кампуса.

– То есть ничего необычного?

– В том, что человек умер дважды? Нет ничего...

– В происшествии, – скривил лицо ведущий.

– Нет, в происшествии ничего необычного, таких аварий миллион.

– И вы об этом писали?

– Да. Я писал некролог.

– Но газет или каких-нибудь других доказательств, наверное, не осталось?

– Осталась...

Публика загудела.

– Я нашёл одну, – достал я газету из пиджака.

– Можно? – потянулся ведущий.

– Конечно.

Я передал ему газету. Он развернул её, прошёлся глазами, удивлённо приподнял брови и показал разворот на камеру.

Публика ахнула.

– *«5 ноября 2018 года погиб известный учёный, Питер Кларк, – читал он. – Профессор был сбит на территории кампуса. За рулём спортивного автомобиля находился пьяный студент».*

– Да...

– Я так понимаю, это портрет мистера Кларка, он здесь значительно моложе, чем в новостях, Керри.

– Да, ему здесь пятьдесят шесть.

– А это что? Фото надгробия, это его могила?

Публика зашумела.

– Пожалуйста, тихо!

– Да это его могила, я сфотографировал это надгробие в день похорон.

– Невероятно, – ведущий нахмурился и почесал подбородок, – просто немыслимо!

Посмотрите на дату смерти – 2018 год! То есть Питер Кларк, тот самый профессор, который на днях разбился над Ла-Маншем, на самом деле погиб двадцать лет назад? Кто же разбился сейчас?

– Я не знаю. Похоже, это также был он.

– Да чтобы каждый из нас имел шанс воскреснуть!

Публика засмеялась.

– Эй, там, в небесной канцелярии, если я завтра умру от инфаркта, я требую добавочных двадцати лет.

Гул не утихал.

– А вы не были сейчас на этом кладбище? – обратился он снова ко мне. – Знаете, если бы такое случилось со мной, я бы тут же побежал искать его могилу.

– Я побежал...

– И?

– И на месте старой могилы обнаружил его же, только новую.

– С новой датой смерти?

– Да, с новой датой смерти.

– И как вы это... Господи, я даже не знаю, как вы это попытались объяснить?

– Я думаю, это похоже на что-то паранормальное.

– Да-а... – загудели зрители в студии.

– Да, – закивал ведущий.

– Я думаю, это похоже на, вы знаете, на эффект Манделы.

– Невероятно! Вот что я скажу вам, Керри, мы подготовились к этому эфиру и пригласили специалистов, изучающих подобные явления.

Свет загорелся по обеим сторонам от сцены. Справа, ближе к зрителям, сидел седовласый мужчина лет шестидесяти, с микрофоном в руках, одна женщина средних лет и молодой человек лет тридцати.

– Итак, в нашей студии профессор медицинского института по изучению явлений ложной памяти мистер Амар Шетти.

– Да, здравствуйте.

– Добрый день, мистер Шетти, скажите, что науке известно об эффекте Манделы или так называемом феномене ложной памяти?

– Хороший вопрос, Мэтт. Современная наука и правда уже несколько десятилетий занимается этим вопросом.

– Несколько десятилетий? Не так давно, не правда ли?

– Нет, можно сказать, недавно. Всё началось со смерти Нельсона Манделы в 2013 году.

Когда о смерти известного политического деятеля узнали люди, они были шокированы.

– Так-так...

– Оказалось, все они были убеждены, что Нельсон Мандела скончался в тюрьме в 1980-х, и кто-то из них даже припоминал выпуски новостей и статьи в газетах по данному поводу. В реальности же политик вышел из тюрьмы в 90-м году, а умер в 2013-м и ни годом раньше.

– Так, я не понял, он умер дважды, этот Мандела?

– Конечно же, нет. Он умер в 2013-м, это всё эффект ложной коллективной памяти.

– Но у нас есть газета, – показал ведущий эксперту мой некролог. Но тот даже не взглянул на него.

– Никого не хочу обидеть, – посмотрел на меня седовласый профессор, – но в наше время нетрудно сделать такую вот газету.

– Она похожа на настоящую, – посмотрел на неё ведущий.

– Сейчас многое похоже на настоящее.

– Так, значит, мы можем предполагать, что это просто обман памяти?

– Можно сказать и так.

– Всё же у нас есть доказательство, и я склоняюсь к тому, что оно не поддельно, – кивнул мне Мэтт.

– Я думаю, произошло какое-то недоразумение, – сказал седовласый мужчина, и двое в креслах в унисон закивали.

Недоразумением было пойти на это телешоу, думал я, выходя уже под вечер из дверей телестудии. Всё, что произошло за эти дни, не укладывалось у меня в голове. Единственное, чего мне хотелось, это чашки горячего кофе и пару черничных кексов. Газета всё так же шуршала во внутреннем кармане старого пиджака, он был такой же старый, как и она. Под ботинками ломались хрупкие листья, в воздухе стояла колючая морось, что пахла грозой и надвигающимся шквалом. Я завернул за соседний дом с ближайшей вывеской – «Кофейня». Стеклопанная дверь брякнула и задрожала, бариста поднял глаза, а после снова занялся делом, вырисовывая узоры на пенистом капучино.

Не успел я подойти к одному из свободных столиков, как ко мне подоспела официантка с подносом и тряпкой в руках.

– Простите, сейчас я здесь протру, – прошлась она быстрым движением по столу.

Я сел.

– Пожалуйста, ваше меню, – положила она чёрную папку на край, – как решите сделать заказ, нажмите на кнопку.

– Хорошо.

Она развернулась. Я уронил меню, наклонился, чтобы поднять. Звук треснутого стекла. Окно за моей спиной покрылось разрастающейся паутиной и рассыпалось вдребезги. Официантка вскрикнула и упала на пол. Под её дрожащим в судорогах телом разрасталось кровавое пятно.

7 глава

Отец лежал в гробу, как и тогда, в 2018-м, только сочувствующих было в два раза больше. Была ещё пресса и всевозможные речи всевозможных людей, которых Анна даже не знала. К ней, как и двадцать лет назад, подходили, выражали сочувствие, говорили, каким выдающимся человеком был отец и как много он бы ещё успел, предлагали помощь, не уточняя какую, но если что нужно, так они сразу...

Анне ничего не было нужно, она не чувствовала горечи потери, одиночества и чувства несправедливости, всё это она уже пережила, и на ещё один дубль её психика была неспособна. Единственное, чего она хотела, – это найти разумное объяснение этому сумасшествию или тому сумасшествию, что случилось двадцать лет назад. То, что спятила она сама, Анна тоже отрицать не стала, но и доказывать не спешила. Она спешила домой, подальше от этого кладбища и от надгробия, которое по странному стечению обстоятельств было на том же месте.

– Твой отец купил это место ещё в молодости, – сказала Филлис, – он говорил, что это было лучшее его решение, так как цены на землю всегда росли.

Обстоятельства, может, и были странными, но вот их стечение – вполне логичным. «Значит, сам всё купил», – подумала Анна. Ей нравилось это «логичное», оно объясняло хоть что-то в этом необъяснимом безумии.

Все следующие дни она слонялась по дому, не зная, куда себя примкнуть и за что взяться. Всё, что она находила, – новые вещи отца, его награды и дипломы, говорили о том, что жизнь он прожил не зря, особенно последние двадцать лет. Через два года после его первой смерти он доказал безвредность одного из компонентов препарата, над которым до этого долгие годы работал. Ещё через год препарат стал проходить испытания на крысах, а через пять лет был вылечен первый ребёнок, после которого было ещё много детей. Анна не испытывала радости за отца, так же как и за спасённых детей. Вся эта ситуация казалась абсурдом, все награды – фальшивкой, а он – лишь восковой фигурой, лежащей в гробу. Она металась по дому из угла в угол под неустанным взглядом Филлис, которая то и дело хотела напоить её успокоительным чаем. Но Анна не могла успокоиться, она чувствовала, как разрывался её мозг, выпуская сознательное за грани разумного, стирая все грани, стирая её. Она судорожно щёлкала пультом, сидя в отцовском кресле, в которое упала без сил. Анна переключала и переключала каналы, будто пытаясь найти что-то такое, что объяснило бы всё.

– Уважаемые телезрители, – сказал бы ведущий, – так как мы находимся во временной петле, повтор нашей передачи выйдет вчера в это же самое время.

– Дамы и господа, – заявили бы на другом канале, – из-за произошедшего сбоя в матрице я сейчас веду две передачи одновременно в 2010 и 2038 годах, так что не удивляйтесь, если буду путаться, пока наши редакторы не урегулировали расписание...

Но нет, ничего такого никто не сказал. Ничего удивительного не произнёс, всё те же новости о текущей экономике в Европе, всё те же ведущие новостей.

На протяжении часа Анна щёлкала кнопкой пульта, меняя картинку, одну на другую, другую на третью, пока не увидела на одном из каналов надгробия отца, того самого старого надгробия, крупным планом на развороте какой-то газеты:

«Питер Кларк. 1962–2018».

– *«5 ноября 2018 года погиб известный учёный – Питер Кларк, – читал какой-то ведущий. – Профессор был сбит на территории кампуса. За рулём спортивного автомобиля находился пьяный студент».*

– Филлис, иди сюда! – крикнула Анна.

Филлис, которая и так караулила мисс Кларк, чтобы, не дай боже, та ничего с собой не сотворила, вышла из-за двери гостиной.

– Да, дорогая.

– Ты это слышишь? Слышишь, что он говорит?

Анна вцепилась в плечи домработницы ослабшими от безысходности руками, дрожащими пальцами, последней надеждой, только бы Филлис слышала и видела то же, что видела она.

– *Невероятно*, – продолжал ведущий, – *просто немыслимо! Посмотрите на дату смерти – 2018 год! То есть Питер Кларк, тот самый профессор, который на днях разбился над Ламаншем, на самом деле погиб двадцать лет назад? Кто же разбился сейчас?*

– *Я не знаю. Похоже, это также был он...*

Филлис толком не слушала и мало что понимала. Всё, что говорил этот странный человек, показалось ей таким же бредом, вот только Анна приняла этот бред всерьёз и после окончания передачи принялась обрывать телефоны. Сначала редакции «Вечерней газеты», где её переключали с одного отдела на другие, чтобы через двадцать минут сказать, что телефоны сотрудников они не дают, после телефон того самого шоу, где её приняли за обычного зрителя, то и дело переключая на отдел жалоб и предложений, но через час безуспешных поисков, она всё же нашла номер этого Керри Мильтона.

– Так вы позвоните ему? – спросила Филлис, смотря, как Анна комкает листок с записанным телефоном.

– Не знаю...

– Что-то не так?

Конечно же, Филлис знала, что было не так, но посчитала нужным не показывать виду.

– Я хочу договориться о встрече, – сказала Анна.

– Так договоритесь, – улыбнулась Филлис. Она пару раз видела людей на грани сумасшествия, её двоюродная тётка спятила совсем в юном возрасте. Так вот, в эти моменты с ними лучше во всём соглашаться, иначе последствий не избежать.

– Так позвоните, – повторила она.

– Не здесь. – Анна схватила сумку и накинула кардиган.

– Господи, вы куда, мисс Кларк?

– Мне нужен телефонный аппарат, Филлис, их же никто не прослушает, верно?

– Наверное, я не знаю.

Анна убрала в хвост растрёпанные волосы, одернула блузку, поправила брюки. И пусть весь мир, что был вокруг неё, казался безумием, она должна была себя удерживать. Её вид, её внешность должны показать этому Мильтону, что она не безумна, она вполне себе в норме, это все вокруг походили с ума.

– Они же где-то ещё остались?

– Таксофоны? Там же, где и были всегда, дорогая, в метро.

– Точно, в метро!

– Или на вокзале...

– Нет, до метро ближе...

Анна переписала телефонный номер на руку и выскочила за порог.

Филлис видела, как Анна пробежалась по садовым дорожкам, поправляя волосы, проверяя сумку, как вызвала такси и ждала приезда машины, смотря в горящий экран телефона.

Она вернулась в дом, лишь когда жёлтый «Фиат» с чёрными шашечками увёз с собой Анну, скрывшись за поворотом. Филлис села в то самое кресло, в котором сидел мистер Кларк,

и закрыла лицо руками. Дом опустел, как и всё опустело здесь без него. Эта передача... «Как странно, что она вышла сейчас, – думала Филлис, – не может же быть таких совпадений». Она попыталась найти в программе, когда будет повтор, но так ничего не нашла.

«Питер Кларк погиб в 2018 году», – крутилось у неё в голове. И этот человек с газетой показался ей абсолютно нормальным.

И это надгробие из серого камня, эта странная дата...

Филлис пробил озноб, ей вдруг показалось, что и она видела это надгробие с этой самой датой, вот только когда?

Она попыталась вспомнить. Её разум совсем неохотно, но перенёсся на много-много лет назад...

– Брось, Филлис, это всё бред, – говорил мистер Кларк, не отрываясь от газеты.

Он сидел за столом, а Филлис суетилась возле него, наливая чай, подвинув вазу с песочным печеньем.

– Но вы были как настоящий, – говорила Филлис, – может, вам никуда не ехать сегодня?

– Ещё чего не хватало. – Мистер Кларк свернул газету и положил на стол. – А если завтра тебе приснится, что я подавлюсь и умру, мне, что же, теперь не есть? – надкусил он печенье.

– Бог с вами, мистер Кларк, – отмахнулась она.

– Хорошо, – он облокотился на спинку стула и снисходительно улыбнулся.

Филлис знала эту улыбку. Так он улыбался соседским детям и местному разносчику газет, которого считал дурачком. Эта улыбка была для детей и идиотов.

– Говори, Филлис, – продолжал он улыбаться, – как я там умер в твоём этом сне?

– Вас сбила машина, – неуверенно пролепетала она.

– На территории кампуса? – смотрел он на неё, ухмыляясь.

– Я не знаю, – замахала на него Филлис, – я только видела вас в гробу... Ох, это ужасно.

– Сны – это проекция увиденного или услышанного за день, Филлис. Ты помнишь, что было вчера?

– А что было? – не могла она вспомнить.

– Вчера я приехал с работы и рассказал тебе, как какой-то придурок гонял на спортивной машине по территории кампуса, чуть меня не сбил, а после врезался в дерево.

– Точно, – выдохнула Филлис, – говорили...

– Вот видишь, сны – это всего лишь работа нашего мозга, – постучал он указательным пальцем по своему виску, – работа уставшего мозга, и всё...

И это было всё, что вспомнила Филлис, сколько лет прошло с тех пор...

Она сидела в кресле мистера Кларка и не могла вздохнуть. Она уже и забыла о том разговоре, как и о том странном сне.

8 глава

- Значит, кто стрелял, вы не видели?
- Не видел.
- Этот какой уже? – зашёл в кабинет второй следователь.
- Шестой свидетель.

Бармена, трёх посетителей и второго официанта они уже допросили. А я всё смотрел на часы.

– Судя по месту, на котором вы сидели, и месту, с которого был произведён выстрел, преступник мог целиться и в вас, мистер Мильтон.

Да, тут и полицейским быть не нужно...

– Но это только одна из догадок, так что вы раньше времени не волнуйтесь.

– Раньше какого времени?

– Но вот если покушение повторится...

– Отлично!

– Знаете, сейчас такое время, преступности много, сотрудников мало.

– Понятно.

– Скажите, недоброжелатели у вас были?

Ясно, что спрашивал он всё на автомате, а дело этой несчастной официантки он положит на дальнюю полку, как только все выйдут из участка.

– Нет, недоброжелателей не было.

Он взглянул в анкету первичного допроса.

– Здесь сказано, что вы репортёр.

– Да.

– Не писали ли вы в последнее время каких-либо компрометирующих статей?

– В последнее время не писал.

– Хорошо, – пометил он что-то у себя в записях. – Угрозы вам не поступали?

– Нет.

– Мы, конечно, ещё проверяем погибшую официантку, говорят, у неё были какие-то проблемы с бывшим парнем, может, это он хотел её убить. Но вам всё же нужно быть осторожнее.

– Это как?

– Если заметите кого-нибудь подозрительного, звоните, если вам начнут поступать письма, звонки с угрозами...

– И что вы сделаете? Приставите ко мне охрану?

Он посмотрел на остывший кофе и недоеденный пончик, что лежал в бумажной тарелке у его монитора, и, глубоко вздохнув, перевёл взгляд на меня.

– Нет, но мы будем обязаны рассмотреть ваше обращение и приобщить его к делу.

Я вышел из участка. Солнце уже почти скрылось за городскими высотками, лишь иногда проходя по их стенам и снова исчезая в тени.

Им нужна была газета. Тем, кто стрелял. Я так хотел, чтобы эту передачу увидел тот, кто нужно. Похоже, так и случилось, только наоборот. Иногда лучше сидеть на заднице ровно, лучше быть таким, как старик Хендерсон, равнодушным и больным. Может, оттого он и равнодушен к жизни, что вся его чёртова жизнь вертится вокруг его дряхлеющего тела. Эх, попадись мне эта новость о смерти мистера Кларка двадцатью годами позже, я бы тоже на всё наплевал.

Мне казалось, я слишком медленно шёл, почти не касаясь асфальта, мне казалось, я не чувствовал ног, так и было, они онемели от страха. Не очень-то хотелось в том признаваться, но знатно меня тряхануло, не каждый день пуля проносится в пяти сантиметрах от твоей головы.

Мне казалось, на меня все глазеют, все смотрят и хотят выстрелить в спину. Между лопаток болело, металлический холод пробежал по спине. «Нужно где-то залечь», – думал я.

Вышел к дороге. Все машины со скоростью света пролетали передо мной, шурша колёсами, вопя клаксонами: тебя хотят застрелить, застрелить... не останавливайся, иди дальше...

Я решил, что, если не сяду в такси, меня точно убьют, вот сейчас на этом же месте, в центре города напротив участка. Может, так оно и будет лучше? Может, и не так это страшно – умереть? По крайней мере, официантка, которую застрелили, даже не поняла ничего. Страшно было потом, и не ей, а другим. Я посмотрел на дорогу, машины замедлили ход, поднял руку и поймал такси.

– Куда едем? – спросил гладкощёкий азиат.

Я вжался в заднее сиденье.

– Мистер?

– Если бы я сам хотел себя убить, где бы я себя караулил?

– Простите?

– На Восточную улицу, первый дом с конца переулка.

Улицы сменяли друг друга. Из приёмника кричал джаз, пахло какими-то благовониями и китайскими специями. Я открыл окно. Мы проехали то самое кафе, оцепленное красными лентами, оно всё ещё сверкало светодиодной вывеской, зазывая людей к себе.

Свежий воздух оказался не свежим, а с примесью пыли и бензина. Я закрыл окно и достал газету. С её старых страниц на меня смотрел Питер Кларк и его надгробие.

Эта чёртова газета была моей единственной связью с той реальностью, которую никто, кроме меня, помнить не хотел.

У дома на Восточной улице я был уже к вечеру. Здесь жил Энтони Паркер. Мой старый знакомый по колледжу, по студенческой жизни и постыдным воспоминаниям молодости, которые лучше забыть. Он был старым другом, а ещё выпивохой и шулером, которого я не раз вытаскивал из передряг. Он мог подделывать права и страховки, подписи и печати. Такие друзья всегда нужны, и, если перед кем-то встанет выбор иметь в друзьях полицейского или шулера, выбирайте второго. Он точно не подведёт. Паркер мог подсказать, где мне перекантоваться до... Интересно, до какого момента мне нужно было таиться? Пока меня не убьют? Значит, недолго осталось терпеть. Я достал телефон. Ни одного звонка. Видимо, никому и не было дела до смерти этого Кларка, кроме меня и того, кто хотел меня пристрелить. Я не видел Паркера уже около года. Мне опять показалось, будто что-то обжигает мне спину, проходит между лопаток, сверлит рёбра. Обернулся – никого, только спустившаяся на город холодная темень накрывала собою дома. Это было то время суток, когда фонари ещё не включили, а дневной свет уже ушёл.

Я посчитал подъезды и зашёл в нужный. Сейчас я не так доверял своей памяти, хотя знал, что тот жил в четвёртом. Мне всё ещё казалось, что кто-то за мной идёт. Я судорожно закрыл дверь за собой, будто когда-то кого-то спасала хлипкая подъездная дверь. Ступени казались непомерно высокими и ужасно скрипучими. Я оборачивался с каждым скрипом, я перестал дышать и побежал. Он жил на втором. Споткнувшись на паре ступеней, чуть не влетев в кого-то, уже через тридцать секунд я стоял у его двери.

Достал газету, каждый раз боясь, что фотография Кларка исчезнет, или надеясь на то. Но нет, он был на месте, как и его надгробие.

Позвонил.

Энтони был раздет до пояса, в одних только брюках и ботинках.

– О! Керри! – воскликнул он, когда только открыл дверь.

– Не ори, за мной, похоже, следят.

– Понял, – приложил он палец к губам и впустил меня.

– Ты и почту мне принес? Спасибо! – выхватил он газету. – А то я отстал от жизни.

Он посмотрел на дату.

– Нет, не настолько... Что за старьё?

– Мне нужно поговорить.

– Успеем.

Мы прошли в квартирку, он достал виски.

Здесь, в этих запрелых стенах, пахло недельным перегаром.

– Я вчера чем-то отравился, – сказал Тони, – мне кажется, мидии в соседней забегаловке были протухшие.

– Да, всё дело в мидиях.

Ужасно жарко и душно.

– Ты не пробовал открывать окно?

– Пробовал, – кивнул Паркер, – но оно потом не закрывается, и поэтому я прикрутил его шурупами.

Я снял свой пиджак и повесил на спинку стула. Вытер шею и лицо.

– Так тебе нужно укрыться? – посмотрел он на меня.

– Да...

– Что ж, – развёл он руками, – располагайся.

Энтони сгрёб в кучу постельное бельё, что лежало на диване, и запихнул его в бельевой шкаф. Открыл соседний ящик. Он никогда не задавал лишних вопросов, если кому-то нужно было скрыться – вот тебе паспорт и вали. Он сразу перебивал все паспорта, их электронный код и фото, делал всё как надо, за хорошие деньги и в небольшой срок.

– У меня есть пара биометрических карт, – рылся он в залежах документов. – До сих пор не привыкну, что паспорта теперь называются так.

– А их владельцы? – спросил я.

– Они не успели до них дожить, – передал он мне две.

Потом достал телефон и навёл на код. На обратной стороне высветилось фото усатого парня с лысой головой.

На второй была девушка.

– Нет, мне этот не подходит.

– Почему? Накрасим тебя и пойдёт.

– Меня сегодня уже накрасили.

– А то я смотрю, ты страшный какой.

– Но на этого парня я тоже не похож.

– Я тебя сейчас сфотографирую, сядь вот здесь.

За беспорядком и ворохом одежды, в котором, казалось, кто-то пищал, белое полотно на стене, за торшером штатив с фотоаппаратом и круглая лампа.

– Сядь-ка, – он пододвинул под меня табурет, – не моргай, ещё раз. Всё, пойдёт.

Паркер подключил камеру к компьютеру, ввёл какой-то код с биометрической карты, пробежался быстрыми пальцами по плоской, как зеркало, клавиатуре и выключил монитор.

– Что? – удивился я.

– Всё. Теперь ты – это не ты, – он передал мне карту. – Ну и кому ты сдался?

– Да чёрт его знает.

– Может, тебе показалось?

– Может быть...

Я передал ему газету.

– Что за древность?

– Это моя первая статья, – я перевернул страницу, – вот здесь.

– Некролог, что ли?

– Ага.

– Из-за этого всё?
– Может быть. Этот тип умер двадцать лет назад.
– Ну и?
– И ещё неделю назад умер повторно.
– Два раза за двадцать лет, не хило, а?
– И я один это помню.
– А он точно умер?
– В смысле?
– Если он был в какой-то преступной группировке, то мог просто инсценировать смерть, как и похороны, а сам жил потом себе всю жизнь под другим именем.
– Неделю назад его похоронили под своим же, опять.
– Да, не стыкуется никак.
– Кто-то меняет прошлое.
– Кто-то подчищает за собой. А откуда у тебя газета, в библиотеку, что ли, ходил?
– Нет, там её уже изменили.
– Изменили? – он уставился на меня. – Оригинал?
– Там отсканированный архив.
– Я же говорю – подчищают.
– Но зачем?
– А ты бы не хотел изменить?
– Что? – не понял я.
– Своё прошлое... Вот чёрт! – он побил себя по карманам. – Сигареты закончились. Сиди здесь, я в магазин и обратно.

Он накинул на плечи пиджак и скрылся в подъезде.

А я думал о прошлом и о том, что хотел бы в нём изменить.

Перед глазами опять этот парень в бейсболке стоит у ворот, а я кричу в лицо убийце, но сделать ничего не могу. Я пытался вспомнить, знал ли я его раньше, этого парня или убийцу, но никто не приходил на ум. И чем чаще я видел тот сон, тем он становился чётче и ярче. Я должен был кого-то спасти, я должен был спасти этого парня. Но где его искать или, может, он уже убит?

Я подошёл к окну. Там, под нестихающим ливнем, Энтони переходил дорогу, прикрывая голову пиджаком.

Я взглянул на стул, а потом на Тони. Этот засранец надел мой пиджак...

Вдруг тихий хлопок.

Тони вздрогнул, вскинул вверх руки, пошатнулся и плашмя упал на живот, лицом на мокрый асфальт.

Они думали, это я.

9 глава

Телефон мистера Мильтона был записан на левой руке. Где живёт этот журналист, ей не сказали, человек в телекомпании по имени Рон уверил, что сам не в курсе и связывался с Керри только по телефону. Всему тому, что происходило в этом доме, она не верила, даже несчастной Филлис, может, с ней было всё в порядке, но Анне постоянно казалось, что за ней кто-то следит. Будто смотрит со стороны. Вот и сейчас она садилась в такси, и всё равно будто была под прицелом.

– Куда едем? – спросил таксист восточной наружности.

– Ближайшая станция метро, пожалуйста.

– Принято.

Она позвонит оттуда, назначит этому Мильтону встречу и сразу же поедет к нему. Анна взяла свой телефон, что всё это время был в сумке, но отключила его. Тому, кто может воскрешать мёртвых, и убить не проблема.

Перед глазами снова отец, фарфорово-бледный и постаревший. Анна лишь мельком взглянула на него на похоронах; нужно было подойти что-то сказать, но она не подошла и так ничего и не сказала. Все ждали, вся эта толпа в траурно-чёрном. Лишь потом, после продолжительной паузы, покашляв в кулак, слово взял один из сотрудников университета. Анне было абсолютно всё равно, что о ней подумают люди, их будто и не существовало для неё, ничего не существовало больше.

Они ехали уже около десяти минут, а волнения лишь прибавлялось. Анне казалось, что, где бы она ни была, посреди проезжей части, потерявшись среди других таких же такси или в далекой Японии, куда сразу же по прилету домой ей хотелось вернуться, где бы она ни была, ей не принадлежало уже ничего, ни её прошлое, ни её настоящее, ни она сама. Последнее, за что она держалась, уже растворялось и в её памяти тоже. Она замечала, как с каждой минутой сознание словно предаёт её, заставляя поверить в то, что видят её глаза. Да, так устроена психика, мы верим лишь в то, что видим, на этом строится всё – от рекламы простой газировки до политических пропаганд. Вот и ей сейчас показывали то, что хотели показать, то, во что она должна была поверить, то, что заставило бы её не верить себе.

Водитель сделал радио потише и посмотрел в зеркало дальнего вида, потом на Анну, потом снова на зеркало...

– Что-то не так? – Анна оглянулась.

– Да всё в порядке, – сказал он таким тоном, что понятно было – ничего не в порядке, совсем.

Нарастающий страх лёгким током прошёл по её спине, пронзив дрожью и без того ослабшее тело.

– Какой-то придурок приклеился сзади, – сказал таксист.

– Пожалуйста, можно побыстрее.

Водитель надавил на педаль.

Анна решила, что от метро можно доехать до места встречи с этим самым Керри, и тогда она хоть что-то поймёт, по крайней мере у неё будет эта газета.

– Вот чёрт! – выругался водитель.

Анна почувствовала удар, её отбросило вперёд на спинку переднего кресла. Машину кто-то подрезал.

– Вот ведь гад! – раскричался таксист и дал по тормозам. Машина засвистела, проехала ещё немного и встала посередине дороги.

– Не останавливайтесь, пожалуйста, – голос её надорвался, но таксист, кажется, уже ничего не слышал, только ругался на своём языке.

В зеркале бокового вида – молодой мужчина лет тридцати, может, больше, с седыми, как снег, волосами. Он медленным шагом направлялся к ним.

– Извините, – послышалось через открытое окно водительской двери, – задремал за рулём.

Анна прижалась к спинке кресла и скатилась по ней.

Таксист уже выскочил из машины и шёл напролом на того.

– Я извиняюсь, – повторил мужчина.

Он выглядел как-то странно, но Анна не могла понять почему.

– Мне нужно забрать кое-что из вашей машины.

– В смысле забрать из машины?! – брызжа слюной, кричал смуглый таксист. – Посмотри, что ты сделал, идиот! Весь бампер мне снёс!

Человек, не смотря на таксиста, потянулся к ручке двери. Анна перестала дышать.

Ручка двери вошла вглубь, потянулась, замок щёлкнул и открылся. В следующую секунду глухой удар, и этот седой человек, белый, с таким же белым родимым пятном под одним глазом и синяком под другим, скатывался по её двери. С разбитой губы текла кровь, глаз был опухший и красный. Он смотрел на Анну, медленно сползая по стеклу, а после, скрючившись, осел на асфальт.

– Развилось наркоманов, – сказал таксист, садясь в машину, и тут же дал по газам.

Человек с белыми как снег волосами, так и остался лежать на дороге, скрюченный вдвое.

А Анна так и смотрела на него, пока тот не скрылся из виду.

– Они думают, сели на крутые машины и всё можно? – ругался таксист. – От понтов мало толку, когда не поставлен удар. Чёртов альбинос!

Он альбинос, поняла Анна, сначала он показался ей просто седым. Но нет, он был просто весь белый.

За окнами – улицы, мосты и развилки. Всё это она уже видела раньше, всё это будто не изменилось с тех пор. Появилось несколько магазинов, автостоянка, уличный кинотеатр, поменяли светофоры, сделали объездную дорогу, на которой они и были сейчас. Да мало ли что могло измениться за последние двадцать лет.

– Ничего, пусть походит с фингалом, здоровее будет, – не унимался таксист.

Анна только улыбнулась. Если бы не этот восточный смельчак, её бы уже забрали.

Кто-то упустил её из виду. Кто-то просчитался тогда, двадцать лет назад, и теперь её хотят устранить. Она звонила с домашнего телефона в редакцию и на ту передачу, она лишь потом поняла, что этого не стоило делать. Но ведь за тем человеком, за этим Керри, должно быть, тоже следят. Анна хотела попросить телефон у таксиста, но до метро оставалось совсем немного.

– Вы не знаете, в метро ещё есть автоматы? – спросила она.

– Эти будки-то? А куда им деваться.

Анна вспомнила разбитое лицо альбиноса, сползающего по её стеклу, и вздрогнула от подступившего страха.

* * *

Она сбегала по скользким ступеням в жерло гудящих электрических линий. Поезда приходили и уходили, выпуская и запуская людей.

Там, вдали, за одной из колонн, – две телефонные будки. Анне казался бесконечно долгим этот путь сквозь людские тела. В одной из них оторвана трубка. Анна зашла в другую, захлопнула дверь, набрала номер, пригнувшись, чтобы её никто не увидел, прислонила трубку к холодной щеке, ожидая ответа.

Тишина. Только гудки. Ни с первого, ни с пятого раза она не смогла дозвониться. Тот же страх, что и во сне в самолёте, схватил, сжал её горло, не давая вздохнуть. Она решила, что поедет в ту редакцию и просидит там хоть целый день. Она дожждётся этого Керри, она не уйдёт без всего. Если только его уже не убили. Ей вдруг показалось, что она осталась совсем одна, что нет больше никого, кто бы понял весь этот абсурд, кто бы вытащил её из этого кошмара. Анна вышла из будки и тихо прикрыла дребезжащую дверь, будто было что слышно в этом человеческом рое.

Ей нужно в редакцию или в полицию, только бы выйти отсюда. Её толкали, теснили, ругались и злобно смотрели вслед. Кажется, все были против неё. Там где-то свет, нет, это прожектор метро, ей нужно сесть в поезд и выйти потом хоть на любой остановке, её не найдут, не выследят здесь.

Анна встала у оградительной линии, всматриваясь вглубь туннеля. Ещё немного, и поезд приедет, она зайдёт в раскрытые двери вагона и скроется ото всех. На часах секундные стрелки будто замедлили ход. Она торопила время, она торопилась уйти. Что-то жгло шею и спину. Кто-то смотрел на неё. Она обернулась. Через лица и спины людей на расстоянии нескольких метров на неё смотрели бесцветные, едва голубые глаза: человек-альбинос, с родимым пятном под глазом, похожим на расплывшийся материк, пробирался к ней через толпу. Анна оцепенела: он был совсем невредим – ни синяка, ни разбитой губы. Она же видела, как его избили, она слышала, как он застонал, сползая по двери такси.

Человек шёл на неё, он был чисто выбрит и гладко причёсан, он был совершенно здоров и ничуть не избит. Господи, кем же он был?!

Все мысли в голове Анны суматошно метались, врезаясь и сбивая друг друга с пути, не находя ни выхода, ни места, не понимая ничего.

Человек не сводил с неё взгляда, тесня и раздвигая локтями людей. Анна попятилась, гул поезда, гул толпы, она потеряла его из виду, и побежала стремглав.

– Вам от меня не уйти! – кто-то дёрнул её за сумку.

Белые волосы, родимое пятно – он перед ней. Она потянула сумку к себе, оступилась о чью-то ногу и упала на рельсы.

10 глава

Телефон вибрировал в кармане уже трижды. А я не мог пошевелить и рукой. Так и стоял за занавеской, смотря на мёртвого Энтони в моём клетчатом пиджаке. Дождь лил непроглядной стеной. Через эту стену не спеша шёл мужчина. Из-под его огромного зонта была видна лишь спина и ноги в чёрных брюках. Он наклонился над телом и вроде бы что-то достал из пиджака и забрал это «что-то» с собой. Что было у Энтони в пиджаке? Я плохо соображал, в ушах гудело, болело в затылке. Погодите-ка, что было у меня в пиджаке...

Документы! Мой паспорт. Значит, меня больше нет? Я посмотрел на фальшивую биометрическую карту. Тони хотел спасти меня, и спас...

Когда пальцы перестали дрожать, я почувствовал теплоту пластика разрывающегося телефона. Нужно позвонить в скорую. Я посмотрел на Энтони, нет, нужно звонить в полицию. Звуки разрывающихся сирен приближались к дому. Кто-то уже позвонил.

На экране два пропущенных, неизвестный номер.

Я нажал на вызов.

– Больница Святого Карла.

– Мне звонили отсюда, – сказал я.

– Этого не может быть, телефон только для входящих звонков.

– Но мне звонили два раза.

Голос на том конце замолчал.

– Аллю!

Гудки.

Я нажал на отбой.

Сквозь дождь красно-синим светом мигали проблесковые маячки. Полиция приехала раньше скорой, может, это и хорошо. Из дома напротив вышли соседи и стали что-то говорить полицейским. Наверное, описывая убийцу. Его точно не найдут. Они лишь кивают, вот так, как сейчас, стоя под своими зонтами, записывая показания в блокнот. Я стоял за занавеской и наблюдал. Можно было остаться в этой квартирке на пару деньков...

Мужчина, тот, что говорил с полицейским, указал на этот дом, я отошёл от окна и прижался к стене. Сейчас они будут обыскивать его квартиру и найдут массу чужих биометрических карт. Не позавидуешь Тони. Я забыл, что он мёртв.

Полицейский пошёл мне навстречу, он, конечно, направился к дому, но мне казалось, что лично за мной. Пора убираться отсюда – я схватил зонт и ключи от машины бедного Тони. Бьюсь об заклад, эта тачка всё равно была записана не на него.

Стоя за подъездной дверью, я видел, как вошёл полицейский. Он поднялся по лестнице и постучался в первую дверь, ему открыл кто-то с заспанным голосом.

– Здравствуйте, мисс, возле вашего дома произошло убийство...

– Ах! – воскликнул голос.

Ах ты ж чёрт, я наступил в огромную лужу, когда выходил из подъезда.

Огляделся по сторонам. Фонари так и не загорелись, оставив улицу в темноте. Я нажал на брелок, машина Энтони стояла гораздо дальше от полицейской и скорой машин. Она моргнула жёлтыми фарами, я не двинулся с места, так и стоял, уставившись на полицейский седан, сейчас они заметят и подойдут ко мне. Никто ничего не заметил, никто не подошёл. Я направился к автомобилю ровным уверенным шагом, я так думал, я пытался дышать ровней, открыл дверь, сел и заблокировал себя изнутри. Тело Энтони уже положили в чёрный пакет. Их больше заботил ливень, чем труп на дороге. Поэтому делали они всё быстро. Я отъехал от дома, полицейские маячки так и остались позади, в зеркале заднего вида, сводясь в одну красно-синюю точку, размытую дождём.

Я смотрел на пропущенный номер и не мог понять, кто это был, кто мог звонить из больницы Святого Карла. Может, ошиблись? Телефон завибрировал снова, другой номер.

– Я слушаю.

– Мистер Мильтон? – какой-то старческий женский голос, взволнованный голос, полный сомнения.

– Да...

– Простите, что звоню в такое время.

– Кто это?

– Меня зовут Филлис. Это по поводу телевизионного шоу.

Я дал по тормозам.

– Да! – крикнул я в трубку.

– Мисс Кларк просила вас приехать.

Мисс Кларк, меня будто обухом ударило. Мисс Кларк, это, должно быть, дочь. Это она стояла тогда возле его могилы. Почему я сразу к ним не поехал? Хотя кто бы мне тогда поверил, что бы я ей сказал – извините, не в курсе ли вы, ваш отец скончался в эту среду или пятого ноября двадцать лет назад?

– Алло, мистер Мильтон, – говорили на том конце, – мистер Мильтон, вы меня слышите?

– Да, – я отпустил педаль тормоза, – диктуйте адрес.

* * *

Дом Питера Кларка находился на окраине города, окружённый высокими деревьями и невысоким забором.

Я заглушил двигатель и потушил фары.

Ворота загремели затворами и распахнулись, на пороге – невысокая женщина, фонарь у дома осветил её немолодое лицо.

– Мистер Мильтон, это вы? – шурилась она через сумрак.

– Да, здравствуйте! – я захлопнул машину и подбежал к ней.

– Вы весь промокли, заходите скорее.

В доме Питера Кларка пахло чаем и миндальным печеньем, и ещё тёплым деревом, потрескивающим в камине.

– Вот, возьмите, – она поставила передо мной мужские тапки, – это мистера Кларка, – всхлипнула она.

Я вдел ноги и посмотрел на тапки – она их точно не достала откуда-то из пыльного подвала или дальних антресолей. Да и кто держит тапки покойника двадцать лет? Потому что не доставала, потому что не держит, потому что им от силы год. Вещи старые пахнут древностью, эти же пахли каким-то мылом, видимо, он надевал их после душа.

– Он надевал их после душа, – всхлипнула она снова, – может, вам и халат принести?

– Нет, – подпрыгнул я на месте, тапок мне было достаточно.

– Вы, наверное, боитесь покойников, – как-то криво улыбнулась она, – не бойтесь, мистер Кларк был хорошим человеком, а вы будете температурить утром, если не согреетесь сейчас.

Я сидел в халате и тапках покойника, у которого уже дважды был на похоронах.

Женщина наливала мне чай и как-то настороженно улыбалась.

– Простите, а где мисс Кларк? – спросил я.

– Даже не верится, что вы всё-таки есть, – сказала она.

– Всё-таки есть? – не понял я.

– Когда Анна показала мне на вас, я и не поверила ей, точнее, вам. Да и как тут поверишь. – Она собрала спадающие волосы в небольшой пучок, достала откуда-то из головы шпильку и вколола её обратно.

- Простите, я не совсем понимаю...
- Анна пыталась дозвониться до вас, мистер Мильтон, вы же журналист?
- Я, да...
- Я уже сомневался во всём, может, и я был не я, может, меня вообще здесь не было.
- В редакции сказали, что личные телефоны не дают, – продолжала она.
- Вот сволочи! Да им просто лень было искать мой номер.
- Да, как-то не принято, – соврал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.